

---

ПРАВО  
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

---

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ  
И СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА**

© 2011 г. Нелля Андреевна Ефремова<sup>1</sup>

**Краткая аннотация:** в работе рассматриваются процессы международной экономической интеграции в свете принципов государственного суверенитета и суверенного равенства государств.

**Annotation:** the work shows the processes of international economic integration in the light of principles of state sovereignty and sovereign equality of states.

**Ключевые слова:** интеграция, суверенитет, надгосударственность, международные экономические организации, интеграционные объединения.

**Key words:** integration, severignty, political system, international economic organizations, integration associations.

Глобализационные процессы в экономической сфере, порожденные особенностями конца XX – начала XXI вв., определяются тем, что в них диалектически сочетаются противоречивые тенденции процессов универсализации и регионализации. Одним из уровней управления ими стали интеграционные механизмы – международные экономические организации и региональные интеграционные объединения. Особая роль в системе таких механизмов принадлежит праву международных договоров. Значительный вклад в разработку и совершенствование международного права, особенно в части соотношения международного и национального права, внесла правовая система Европейских сообществ и Евросоюза. Вместе с тем обострилась проблема отношения как на теоретическом, так и на практическом уровнях к таким основам международного права, как суверенитет и суверенное равенство государств. Однополярный мир, ставший реальностью, способствует “ревизии” этих общепризнанных в международном праве понятий. Суверенитет – это такое свойство государства, без которого само государство как субъект международного права не может существовать.

Обозначая проблему влияния международной экономической интеграции на суверенитет государств, участвующих в интеграционных объединениях, можно сказать, что международные отношения в последние десятилетия претерпевают коренные изменения, а в международном праве обозначились новые подходы к вопросам меж-

дународной правосубъектности, что не может не сказываться на подходах к исследованию проблем государственного суверенитета. Особое влияние на эту проблему оказывают доктрины надгосударственности международных организаций и ограниченного суверенитета.

Проблему соотношения суверенитета государств и надгосударственных международных организаций породило создание Евросоюза. Элементы надгосударственности просматриваются уже в первом интеграционном европейском соглашении – Договоре об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Передача рядом европейских государств своих полномочий и другим Европейским сообществам, а позднее и Евросоюзу закреплена во всех последующих интеграционных договорах.

В отношении полномочий ЕОУС символичны положения ст. 9 Договора о его создании, в которой закреплялось конкретное положение о надгосударственности Верховного органа: “члены Верховного органа воздерживаются от любых действий, не совместимых с наднациональным характером их функций”<sup>2</sup>.

Маастрихтский договор о создании ЕС 1992 г. закрепил сложный правовой механизм, посредством которого группа государств передала часть своих собственных прав в компетенцию международной региональной организации. Договор создал своеобразный механизм по выработке норм, обязательных для применения как для Союза в целом, так и внутри стран-участниц. При этом интересы Союза имеют преимущество.

---

<sup>1</sup> Заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Академии права и управления (Институт), кандидат юридических наук, профессор (E-mail: efremovanelya@yandex.ru).

<sup>2</sup> Договоры, учреждающие Европейские сообщества. М., 1994. С. 29, 30.

Отличием учредительного акта о создании ЕС от традиционных международных договоров является то, что действие положений договора распространяется не только на государства, входящие в Союз, но и на их граждан. Это свойство ЕС выделяет его из ряда других региональных организаций и интеграционных объединений.

Референдумы в государствах – членах ЕС на стадии обсуждения европейской Конституции показали неготовность стран к преодолению национальной исключительности, и центр тяжести остается внутри государств – членов Союза. Тем не менее ЕС все чаще выступает на международной арене в качестве субъекта международного права.

Европейские государства объединили компетенцию каждого отдельного государства в отношении определенного круга государственных функций, как внешних, так и внутренних. С одной стороны, наднациональных признаков управления европейского объединения становится больше, с другой – государства-члены оставляют за собой контрольные полномочия во внутренней сфере и те внешние функции, которые позволяют им сохранять свою международную правосубъектность.

Как пишет Л.М. Энтин, в Конституции Евросоюза предусматриваются закрепление производной от государств – членов природы ЕС и делегированный ими характер компетенции, которой он наделяется. Конституция ЕС, по определению ученого, – это разумный компромисс. Она не требует от государств большего, нежели они готовы передать на наднациональный уровень на нынешнем этапе интеграции<sup>3</sup>.

В основе структуры ЕС лежит принцип единой независимой власти с делением на законодательную, исполнительную и судебную. Региональные интеграционные объединения, правда, другого – первоначального уровня интеграции (например, такие, как единое экономическое пространство, таможенный союз и общий рынок), не могут позволить себе деление власти объединения на три ветви; они не наделены компетенцией принимать обязательные для стран-участниц решения, кроме Общего рынка стран Южного конуса (МЕРКОСУР).

Многие зарубежные авторы, рассматривая надгосударственность, присущую ЕС (где существует примат права Союза над национальным правом), проводят параллели с принципом приоритета

федерального права перед правом субъектов федерации<sup>4</sup>. Однако следует еще раз подчеркнуть, что в отношениях с третьими государствами суверенные права сохраняются за государствами – членами ЕС, хотя и с определенными изъятиями, связанными с их обязательствами, вытекающими из членства в Союзе. Таким образом, общей тенденцией развития ЕС является постепенная добровольная передача суверенных прав Союзу. Этот процесс можно рассматривать как своеобразный переход от традиционных межгосударственных отношений к отношениям внутрифедеративного государства. Если же рассматривать ЕС как международную организацию с наднациональными полномочиями, то следует констатировать наличие более широких полномочий. В любом случае, как пишет Н.Б. Пастухова, “имеет место передача государствами-членами определенного объема правосубъектности Союзу как целому, в связи с чем он приобретает определенные полномочия, предоставленные ему государствами-членами, добровольно отказавшимися от прав, присущих суверену, в определенных сферах”<sup>5</sup>. Тот объем полномочий, который ЕС приобретает по воле государств-членов, не просто делает его вторичным (производным) субъектом международного права, но и создает новое свойство ЕС, которое можно обозначить как “коллективный суверенитет”. Разумеется, этот объем полномочий нельзя идентифицировать с суверенитетом, присущим государству, его нельзя рассматривать и как надгосударственность организации.

Развитие экономической интеграции и ее международно-правового регулирования актуализирует проблемы государственного суверенитета, соотношения суверенитета и надгосударственности в международных экономических отношениях государств, проблемы приведения национального законодательства в соответствие с интеграционными договорами и т.п.

Юристы-международники, определяя суверенитет как правовое понятие, отмечают, что суверенная государственная власть есть власть независимая и верховная, а понятие “суверенитет” рассматривается в качестве одного из сущностных в определении самого государства, он есть проявление сущности государства<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> См.: Lasok D., Bridge O. Introduction to the Law and Institutions of the European Communities. London, 1982.

<sup>5</sup> Пастухова Н.Б. Международная интеграция и государственный суверенитет // Гос. и право. 2006. № 10. С. 82–85.

<sup>6</sup> См.: Общая теория государства и права. Академический курс / Отв. ред. М.Н. Марченко. В 3-х т. Т. 1. М., 2002. С. 109.

<sup>3</sup> См.: Европейское право / Под ред. Л.М. Энтина. М., 2004. С. 25.

Обращает на себя внимание тот факт, что “суверенное равенство” – понятие, производное от понятия “суверенитет”, в качестве принципа международного права закреплено в п. 1 ст. 2 Устава ООН и в Декларации принципов международного права 1970 г., но само понятие “суверенитет” раскрывается лишь на доктринальном уровне. В международных документах его определение отсутствует.

Анализ определений суверенитета свидетельствует о близости позиций различных авторов. Наиболее емкое определение суверенитета дано И.Д. Левиным еще в 1948 г.: “Суверенитет есть состояние полновластия государства на своей территории и его независимости от других государств”<sup>7</sup>.

Из множества существующих определений можно выделить, как минимум, два подхода к определению понятия “суверенитет”<sup>8</sup>: первый – негативный – абсолютная независимость государства от других государств как во внутреннем самоопределении, так и во внешних политических и экономических отношениях; второй – позитивный, по которому суверенитет формализуется в процессе образования государства, самоопределения нации. Оба эти аспекта в той или иной мере были заявлены основоположником теории суверенитета Ж. Боденом, писавшим о постоянной и абсолютной власти государства, о том, что суверенитет един, неделим, непрерывен и безусловен<sup>9</sup>.

Поскольку независимость и самоопределение предполагают наличие других субъектов международно-правового отношения, постольку понятие “суверенитет” имплицитно включает в себя трактовку отношения к другому субъекту. Данное отношение будет правовым лишь тогда, когда оно является отношением к иному субъекту как к равному, так как суверенитет одного государства должен быть сопряжен с суверенитетом другого государства.

В условиях глобализации все активнее выдвигаются предложения о критическом переосмыслении понятия “суверенитет” в его философском, политическом, геополитическом, экономическом

и правовом аспектах. В международно-правовом контексте эта проблема обсуждается чаще всего в рамках соотношения надгосударственности и “национального” суверенитета<sup>10</sup>, а также в связи с обязательностью приведения национального законодательства государства в соответствие с интеграционным договором, участником которого оно является, и обязательностью исполнения решений международных (региональных) судов.

Эти проблемы стали особенно актуальны именно в условиях глобализации, когда сама идея государственного суверенитета, по выражению А.А. Моисеева, “подверглась содержательной и практически-прикладной ревизии”<sup>11</sup>.

Значимость проблемы сохранения и развития национального суверенитета в условиях экономической интеграции предметно себя обозначает в параметрах миропорядка на основе верховенства права.

Каждое государство обладает определенным объемом компетенции и полномочий. Вместе с тем, государства по своему усмотрению устанавливают предметы своего ведения, в результате чего объем функций может совпадать или не совпадать у разных государств. Но наличие суверенитета у государства не зависит от качества и количества государственных прав, реализуемых государственной властью. При этом суверенные государства в своем властвовании независимы от национального права друг друга.

Суверенитет внешним образом проявляется именно в совокупности государственных полномочий и компетенции. Соотношение государственного суверенитета и государственных прав – это соотношение сущности и явления.

Диалектическая связь суверенитета государства и его суверенных прав как связь сущности и явления не означает, что если возможно ограничение (или самоограничение, уступка и т.п.) государственных прав, то тем самым возможно и ограничение (в той или иной степени) государственного суверенитета.

Однако практика современных международных отношений дает нам примеры такого ограничения. В частности, усиление экономической и политической интеграции государств на европейском пространстве приводит к тому, что в сферах

<sup>7</sup> Левин И.Д. Суверенитет. М., 1948. С. 64. Кроме И.Д. Левина свое видение суверенитета давали: Тункин Т.И. Основы современного права. Учебное пособие. М., 1956. С. 15; Дурденевский В.Н., Лазарев М.И. Пять принципов мирного сосуществования. М., 1957. С. 23; Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963. С. 6 и др.

<sup>8</sup> Гессен В.М. Общее учение о государстве. СПб., 1912. С. 56.

<sup>9</sup> Цит. по: Гегель Г.В. Философия права. М., 2007. § 8–12.

<sup>10</sup> См.: Моисеев А.А. Надгосударственность в международном праве // Гос. и право. 2007. № 8. С. 67–72.

<sup>11</sup> Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (В контексте глобализации). Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2007. С. 5, 13.

действия законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти государств государственные полномочия и права передаются интеграционному объединению, и наблюдаются тенденции, ведущие к ограничению государственного суверенитета.

Суверенитет государства как нечто цельное не передается ни другому государству, ни другому субъекту международного права. При вступлении в интеграционное объединение государства передают лишь часть некоторых своих суверенных правомочий. Но даже при передаче конкретного суверенного правомочия не происходит полного перехода права, так как оно остается принадлежностью государства и может быть независимо от объединения осуществлено по отношению к третьим государствам. Как правильно отмечала Т.Н. Нешатаева, «международное право сегодня не знает таких средств, которые позволили бы настолько глубоко воздействовать на компетенцию (на права и обязанности) государства, что это повлекло бы исчезновение самого суверенного образования. Полномочия, которыми государства-члены наделяют организацию, не исключают, как общее правило, соответствующих полномочий государств в тех же областях деятельности, т.е. не происходит замещения суверенных прав государств полномочиями организации»<sup>12</sup>. Из этого высказывания Т.Н. Нешатаевой вытекает, что международная организация не ограничивает суверенитета государств-членов. Можно только добавить, что государства-члены организации именно в силу своего суверенитета наделяют международное объединение полномочиями, которыми обладают или обладали сами, т.е. в отдельных случаях полномочия государства заменяются полномочиями международных организаций, хотя такие случаи в международной практике не часты.

В силу суверенитета государство вправе выйти из международного объединения. При этом переданные полномочия уходят вместе с ним. Следует признать, что развитие права интеграционных объединений привело к тому, что замещение суверенных прав государств полномочиями организации, расширение таких полномочий перестали быть исключением из общего правила права международных организаций. Вместе с тем передача части своих суверенных прав международному объединению не влияет на основные характеристики государств-членов как субъектов

международного права и членов международного сообщества.

Что касается уникальности европейской интеграции, закрепившей принцип надгосударственности, то даже в случае оформления ЕС по модели федеративного государства трудно представить, что государства – члены ЕС откажутся от своего суверенитета в пользу объединения.

Тенденции, направленные на обоснование ограничения суверенитета государств путем принятия на себя обязательств по договору или его участия в международной организации, существующие в Европейском союзе, дают для такого подхода к суверенитету благодатную почву.

Идею размытия суверенитета обосновывают и такие известные авторы, как С. Хантингтон, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, конструируя концепции «стержневого государства», «универсального» и «однородного» государства, в связи с ускорением перемен в мире информации и других факторов. Высказывания о «закате суверенитета» в заслуживающих уважения научных публикациях представлены и российскими учеными. В частности, утверждается, что главным следствием глобализации является «значительное ослабление государственного суверенитета под напором действий иных субъектов современного мирового процесса»<sup>13</sup>. Следует согласиться с мнением тех юристов, которые считают, что суверенитет – это именно то, за что государства – члены ЕС ведут постоянную борьбу с наднациональными органами Союза с тех самых пор, как только эти наднациональные органы настолько окрепли, что могут обладать собственной компетенцией. О.М. Мещерякова справедливо указывает, что «источником всех тревог и опасений в странах Европейского союза является угроза размытия в процессе интеграции национального суверенитета и национальной самобытности»<sup>14</sup>.

Усиление экономической интеграции, вовлечение государств во все более широкий круг различных интеграционных объединений, рост взаимозависимости государств (при обстоятельствах, когда многие решения государств по вопросам, ранее относившимся к их внутренней компетенции, в настоящее время принимаются в органах интеграционных объединений), не означают ограничения суверенитета, а напротив,

<sup>12</sup> Нешатаева Т.Н. Влияние межправительственных организаций системы ООН на развитие международного права. Дисс. ...доктора юрид. наук. М., 1993. С. 148.

<sup>13</sup> Глобализация и федерализм // Гос. и право. 2007. № 7. С. 5.

<sup>14</sup> Мещерякова О.М. Соотношение национального и наднационального моментов в Европейском союзе и вопросы суверенитета государств-членов. М., 2008. С. 9.

ведут к обогащению этого свойства государства. Это положение можно лишь раз подтвердить высказыванием Генерального секретаря ООН о том, что принцип суверенитета остается существенным для того, чтобы “сделать возможным существование международных организаций”<sup>15</sup>.

Тем самым появляются основания для утверждений, что содержание суверенитета государства в современных условиях развивается и получает практическое применение. Примером может служить сфера международной торговли. Правительства государств соглашаются следовать решениям Всемирной Торговой Организации (ВТО), потому что извлекают пользу из международного торгового порядка, даже если ее решения ведут к изменению практики, которой они ранее следовали.

Именно беспрецедентные объем и интенсивность международного сотрудничества, увеличение и усиление процессов глобализации в параметрах режима государств (при обстоятельствах фактического различия между ними) и суверенного юридического равенства обусловили появление нового поколения международных организаций с нетрадиционно широкими полномочиями.

Однако недопустимо однозначно утверждать, что “развитие процесса экономической интеграции влечет за собой все возрастающее ограничение национального суверенитета участвующих в нем государств”<sup>16</sup>. В рамках интеграционного объединения государства-участники добровольно передают этому объединению ряд собственных функций, в том числе в области правового регулирования экономических отношений. При этом государства, как и при создании международных организаций, наделяют интеграционное объединение производной правосубъектностью с определенным объемом полномочий.

Передавая часть своих государственных функций интеграционному объединению, страны – участницы мировых интеграционных процессов объединяют свои полномочия, входящие составной частью в понятие “суверенитет”. При этом и возникает такое свойство объединения, как “коллективный суверенитет”. Следует особо подчеркнуть, что такое свойство интеграционных объединений не равнозначно надгосударственности в том значении, которое заложено в документах об образовании Европейских сообществ. Интеграционные объединения перерастают в квазигосударственные образования, обладающие от-

дельными элементами суверенитета, переданного им государствами-членами. Однако мировому интеграционному процессу известен пока только один такой пример – это ЕС. Признаки, присущие европейской интеграции, нельзя назвать общими, относящимися к любой международной экономической организации, обладающей повышенным (по сравнению с другими международными организациями) полномочиями, делегированными ей государствами – членами этой организации. Они присущи только интеграции Европейских сообществ.

В современной юридической литературе выделяются в зависимости от характера полномочий межгосударственные и наднациональные, или, точнее, надгосударственные организации. К первой группе относится подавляющее большинство международных организаций, целью которых является организация межгосударственного сотрудничества и решения которых адресуются государствам-членам. Как пишет Д.А. Шлянцев, целью надгосударственных организаций является интеграция, поскольку их решения распространяются непосредственно на граждан и юридических лиц государств-членов<sup>17</sup>. Здесь нужно отметить, что в данном контексте мы не видим принципиальных различий между понятиями “надгосударственность” и “наднациональность”, поскольку последнее рассматривается как понятие юридической теории, а следовательно, нация не мыслится в отрыве от выражающего ее интересы государства.

В отечественной юридической литературе уже неоднократно появлялись исследования проблем соотношения суверенитета и надгосударственности.

В целом по вопросу о соотношении наднациональности и суверенитета сложились две основные позиции. Одни авторы – В.В. Богатырев, А.А. Моисеев, Т.Н. Нешатаева, В.М. Шумилов считают, что наднациональность международной организации не влечет за собой изменения ее юридической природы как межгосударственной организации. Добровольное ограничение компетенции государства в пользу межгосударственной организации – практика, не нарушающая целостности и независимости самого государства. Появление элементов наднациональности в компетенции международных организаций не противоречит развитию государств как суверенных образований и не ущемляет их компетенцию.

<sup>15</sup> Док. ООН А/51/761. 1996. 20 дек.

<sup>16</sup> Богатырев В.В. Правовая глобалистика // Гос. и право. 2008. № 8. С. 73–77.

<sup>17</sup> См.: Шлянцев Д.А. Международное право. Курс лекций. М., 2006. С. 41.

Другие авторы – С.С. Купреев, А.С. Фещенко, М.А. Королев, выступают с критикой этой позиции, утверждая, что, во-первых, она противоречит основам международного права, поскольку над государствами – первичными субъектами этого права нет и не может быть верховной власти, способной предписывать им юридически обязательные правила поведения. Все нормы международного права направлены на строгое соблюдение государственного суверенитета в международных отношениях. Поэтому наделение ряда международных организаций управленческими функциями не означает передачу им части суверенитета государств или их суверенных прав. Речь может идти лишь о передачи полномочий. Во-вторых, обязательность непосредственного исполнения государствами-членами решений международных организаций основывается на положениях учредительных актов – и не более. В-третьих, ни одна международная организация не вправе вмешиваться во внутренние дела государства без согласия последнего, ибо иное означало бы грубое нарушение принципа невмешательства во внутренние дела государства с вытекающими для такой организации негативными последствиями. В-четвертых, обладание наднациональной организацией полномочиями на создание действенных механизмов контроля и принуждения к соблюдению правил является всего лишь одним из качеств правосубъектности организации.

Как нам представляется, речь здесь не идет об абсолютной противоположности выдвинутых позиций. В самом деле, никто не оспаривает факта сохранения суверенитета государств в интеграционном процессе, скорее даже подчеркивается этот момент. Добровольное ограничение компетенции государства в пользу интеграционных образований указывает на возможность свободной передачи своих полномочий ради реализации общих интересов, поэтому оно должно рассматриваться именно как проявление правовой природы суверенитета, его реализации. Не обладая полномочиями, ранее входившими в компетенцию государств – членов объединения, оно не могло бы осуществлять их от собственного имени.

Главный вывод, к которому подводит нас анализ позиций по рассматриваемому вопросу, – это то, что участие в любой международной организации, даже обладающей специфическими функциями, не влечет утрату суверенитета государствами – ее членами. На наш взгляд, если и воспринимать надгосударственность как свойство, присущее международным объединениям, то справедливо говорить лишь о возможности существования

функциональной надгосударственности, которая является способом единообразного регулирования определенных областей сотрудничества, затрагивающих интересы государств-членов, которые с этой целью заключают международный договор. До тех пор пока государства – члены “надгосударственного” образования сохраняют свой суверенитет, они обладают универсальной компетенцией и имеют право принимать любые решения, не противоречащие международному праву, и отнять это право у суверенных государств нельзя, равно как они сами не могут отказаться от него, даже если предположить, что они включают соответствующие положения в международный договор.

В разное время рядом зарубежных ученых был высказан и другой подход к соотношению суверенитета и наднациональности международных организаций. Так, по мнению П.Е. Корбетта, С. Иглтона, Дж. Кунца, международный юридический порядок и национальная правовая система государств не являются независимыми друг от друга, и их следует рассматривать как принадлежность к общему глобальному порядку. По их мнению, международное право в целом должно быть надгосударственным: “Оно не может быть правом “между”, а только “над” государствами”<sup>18</sup>.

Нельзя не признать, что подобный подход юристов к рассматриваемой проблеме гипотетически мог быть заявлен в качестве допустимого исключительно и только в период становления европейской интеграции. Жизнь и практика вносят серьезные коррективы в процесс развития объединенной Европы. Так, создание Европейского союза представлялось ряду исследователей как поэтапное движение к федерации в виде “Соединенных Штатов Европы”, в процессе которого создание единого рынка, ликвидация контроля на границах, образование наднациональных властных органов, унификация права и другие преобразования, казалось, должны постепенно привести к тому, что государства – участники Союза будут все более превращаться в символических субъектов. Однако этого не произошло. Государства сохранили свои суверенитет и статус субъектов международного права.

Надгосударственность как вызов глобализации не может и не должна считаться средством решения международных экономических проблем. Нежелание государств участвовать в надгосударственных структурах приводит их к участию в

<sup>18</sup> Цит. по: Муссеев А.А. Надгосударственность в международном праве. С. 71.

более мелких организационных формах экономической интеграции, таких как таможенный союз, единое экономическое пространство, позволяющих им, если и уступать часть своих правомочий, но с предметной возможностью наименьшего давления на каждое государство в отдельности.

Очевидно, что современное международное право, основанное на суверенитете государств, не допускает “абсолютной надгосударственности” применительно к международным организациям. При этом нельзя согласиться с тем, чтобы надгосударственность на доктринальном уровне обосновывалась как признак экономических интеграционных объединений.

Исходя из понимания “негосударственности” применительно к международным экономическим организациям, можно согласиться с М.А. Королевым в том, что возникновение надгосударственных функций в компетенции международной организации является результатом объединительных тенденций и суверенного волеизъявления государств-членов на основе принципов и норм международного права и, как правило, служит для достижения общих интересов государств, связанных с продвижением идей о будущем гармоничном устройстве мира путем более тесного сотрудничества, а “не для использования их в качестве инструмента суверенно-властного вмешательства во внутренние дела государств”<sup>19</sup>.

Требования глобализации делают востребованным принятие мер в направлении более интенсивной региональной интеграции и сотрудничества, что, в свою очередь, не может не сказываться на развитии элемента надгосударственности в международной правовой системе. Однако нельзя игнорировать того, что надгосударственность как в теоретическом, так и в практическом аспектах представляет реальную опасность ограничения суверенитета государств. Конечно, следует признать наличие некоторых элементов надгосударственности в международных отношениях.

Например, в Уставе ООН, нормы которого носят когентный характер, это – положения Устава о применении экономических санкций за действия, нарушающие мир или представляющие угрозу миру и безопасности. О надгосударственности говорят все специалисты применительно к праву Евросоюза.

Однако стремление наделять свойствами надгосударственности все экономические интеграционные объединения в силу того, что государства передают им не свойственный для других организаций объем полномочий, считаем неправомерным по следующим причинам: международные образования (любого уровня) являются вторичными субъектами международного права, поэтому большим объемом прав, чем первичные субъекты – государства, обладать они не могут; во-вторых, государство – член интеграционного объединения может в любое время выйти из этого объединения, и его полномочия уходят вместе с ним; в-третьих, навязывание термина “надгосударственность” в юридической литературе приводит к обоснованию специалистами других отраслей науки необходимости образования “мирового государства”, функции которого могут быть гораздо шире организаций с надгосударственными функциями.

В условиях попытки трансформации института государственного суверенитета повышается роль международного права. Государства, вступившие в интеграционные объединения, сохраняются как полнородные субъекты международного права, осуществляя свою международную экономическую политику в соответствии с национальным правом, международным правом и правовыми нормами, устанавливаемыми международными интеграционными образованиями. Передавая последним свои полномочия, по объему превышающие полномочия других международных организаций, государства продолжают обладать свойством суверенитета и полнотой суверенных прав. Более того, именно это делегирование прав и полномочий является необходимой формой утверждения, реализации и развития нового качества государственного суверенитета в новых экономических и геополитических условиях.

<sup>19</sup> Королев М.А. Наднациональность с точки зрения международного права // Моск. журнал международного права. 1997. № 2. С. 3.